

Доминанта любви

С. Н. Коробкова

Судьба А. А. Ухтомского как ученого и мыслителя и судьба Санкт-Петербурга как научного и культурного центра России находятся в сложном переплетении. С одной стороны, Ухтомский был теснейшим образом связан с этим городом — разделял печали и радости царского Петербурга, большевистского Петрограда и советского Ленинграда. Более 40 лет жизни Ухтомский посвятил работе в Санкт-Петербургском государственном университете, сделав открытия мирового значения в области физиологии и воспитав плеяду талантливых исследователей. Значительную часть времени он отводил работе в Совете Никольской единоверческой церкви (ныне Музей Арктики и Антарктики на ул. Марата), успешно защищая интересы старообрядцев. С другой стороны, Ухтомский тяготился жизнью в Петербурге и при всяком удобном случае бежал в родные пенаты, чтобы отдохнуть от «питерского обалдения душевного»¹. Он воспринимал Петербург по-достоински — как «мрачный, угрюмый город с давящей атмосферой, с зараженным воздухом, с драгоценными палатами, всегда запаханными грязью; с тусклым, бледным солнцем...»², но мистически притягивающий к себе. Всякий раз ученый возвращался в «город-отравитель», находя удовлетворение в своей работе.

Алексей Алексеевич Ухтомский (1875–1942) родился в российской глубинке, в приволжском городке Рыбинске. Его семья была знатного княжеского рода. Основатель рода Ухтомских Иван Иванович Ухтомский происходил в 17-м колене от Рюрика. Фамилию свою Ухтомские приняли от земель на реке Ухтоме, дарованных им во владение. Благодаря своей знатности и наличию именитых родственников А. А. Ухтомский мог бы легко войти в высший свет и почивать на лаврах, однако он выбрал свой путь, полный душевных переживаний и умственных терзаний.

Семья Ухтомских: Антонина Федоровна, Алексей, Мария, Александр, Алексей Николаевич, Елизавета

Семья Ухтомских по тем временам была небольшой: у Алексея Алексеевича были еще две сестры (Мария и Елизавета) и брат Александр. Отец, Алексей Николаевич, делал военную карьеру, а мать, Антонина Федоровна, женщина практичная, главным образом была занята управлением имени-

С Анной Николаевной Ухтомской в гимназические годы

ем Ухтомских. По каким-то причинам маленького Алексея (ему не было еще и 2 лет) отдали на воспитание к одинокой сестре отца Анне Николаевне, для которой племянник стал единственной отрадой. Анна Николаевна была глубоко религиозной женщиной, и это сыграло существенную роль в формировании личности будущего ученого. Там, у своей любимой тети Анны, как он ее называл, Ухтомский получил первые уроки богопочитания и человеколюбия. Позже в своих дневниках он писал, что в его памяти эта женщина навсегда осталась непревзойденным примером духовного подвига в миру.

После окончания классической гимназии Ухтомского по примеру отца отправили учиться в Нижегородский кадетский корпус, однако офицерская служба его не прельстила. Воспитанный в среде церковной обрядности, молодой князь стремился к познанию сути бытия. В 1894 году он поступил на словесное отделение Московской духовной академии, где изучал философию, которая в то время испытывала преимущественное вли-

яние Вл. Соловьева. Уже в кандидатском сочинении студента Алексея Ухтомского «Космологическое доказательство Бытия Божия» четко обозначился его главный научный интерес — изучение «анатомии человеческого духа»: «природосообразное (генетическое) объяснение» самых основных догматов христианской веры, выяснение «естественной сообразности» их, выведение их из нормальной природы вещей, из «нравственного достоинства бытия», — из которой (природы) с естественной, «физической»... необходимостью определяется судьба человека»³.

Видимые успехи в академии предвещали большие перспективы в духовной службе. Тем не менее стезя служителя церкви оказалась для Ухтомского неприемлемой, несмотря на то, что его старший брат Александр, постриженный в монахи под именем Андрея⁴, настоятельно советовал следовать его примеру.

Все-таки его манила наука; он хотел попытаться примирить мир Бога и мир природы, а вернее, научно доказать, что Бог, вера, нравственность естественны для человека. В одном из своих дневников в 1887 года он писал: «...мое истинное место — монастырь. Но я не могу себе представить, что придется жить без математики, без науки. Итак, мне надо создать собственную келью — с математикой, с свободой духа и миром. Я думаю, что тут-то и есть истинное место для меня»⁵.

В Кадетском корпусе

Дом Анны Николаевны Ухтомской в Рыбинске

А. А. Ухтомский после окончания Духовной академии

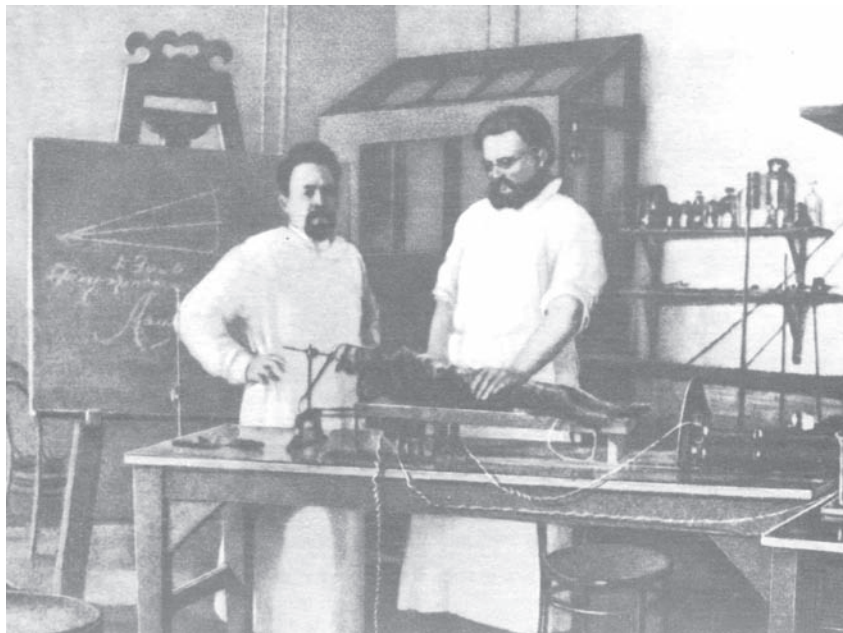
В поисках «своей кельи» Ухтомский отправился в Петербург с надеждой поступить в Санкт-Петербургский университет на естественное отделение физико-математического факультета. Однако сначала в 1899 году он стал студентом восточного факультета по еврейско-арабскому разряду (поскольку лицам с духовным образованием официально запрещалось учиться на естественных факультетах) и только спустя год, в возрасте 25 лет, перевелся на естественное отделение. С тех пор жизнь А. А. Ухтомского неразрывно была связана с Университетом и с кафедрой физиологии. Позже,

на закате жизни, когда физические и моральные силы покидали его, он признавался, что преподавание в Университете поддерживает его. Он так сросся с той средой, что не мог представить себя «на другой службе». В 1903 году в журнале «Пфлюгеровский архив» он издал свою первую научную статью под названием «О влиянии анемии на нервно-мышечный аппарат», которая была представлена на получение премии в память «Первого съезда русских естествоиспытателей и врачей». В 1906 году Ухтомскому вручили диплом первой степени, и как способный выпускник он стал лаборантом на кафедре физиологии животных у профессора Николая Евгеньевича Введенского. Н. Е. Введенский был учителем Ухтомского, который его бесконечно почитал и уважал. Многими своими открытиями в области физиологии Ухтомский обязан работе с Введенским, который, в свою очередь, своевременно подхватил и развил идеи, высказанные Сеченовым⁶. 8 мая 1911 года Ухтомский защитил магистерскую диссертацию на тему «О зависимости кортикальных двигательных эффектов от побочных центральных влияний». С 1912 года он — приват-доцент Университета. В 1922 году заменил Н. Е. Введенского в должности заведующего кафедрой физиологии. В то же время Ухтомский обнаружил главное свое открытие — закон доминанты, кото-

рый считал (он это неустанно подчеркивал) детищем *школы* Введенского⁷. В 1932 году профессор Ухтомский был избран членом-корреспондентом, а в 1935 году — действительным членом Академии наук СССР. В том же 1932 году физиологическая лаборатория Сеченова — Введенского в Ленинградском университете и физиологическая лаборатория Петергофского естественнонаучного института (Ухтомский называл ее «наша прекрасная Александрия») были реорганизованы в Физиологический научно-исследовательский институт по проекту и под руководством Ухтомского. Он до конца жизни был директором этого института, который ныне носит его имя (Физиологический институт им. Ухтомского в настоящее время размещается в Здании двенадцати коллегий СПбГУ).

Такова внешне успешная научная карьера А. А. Ухтомского. Однако внутренняя его жизнь была достаточно драматична. Ведь он одновременно поставил себя на службу Богу и науке. И в науке, и в духовной жизни Ухтомский пытался примирить веру и разум, что было краеугольным камнем рассуждений русских философов и богословов. Особенно актуальным решение этого вопроса стало в период исторических перипетий конца XIX — начала XX века когда ощущение апокалипсиса, глобального краха стало всеобщим и интеллигенция искала причину всех причин. Осмысливая затяжные военные и революционные события самого начала XX века, Ухтомский писал: «Когда и как разрешится этот великий исторический нарыв, при котором мы присутствуем?.. народ голодает, чахнет и мрет! Люди узнали очень многое, во многом «окультуривались», но... утеряли секрет, связующий людей в общительности! В самом деле: при таких-то средствах культуры жизни и личности, при всех-то «философиях» и «гуманитарных воспитаниях», да такая «мертвая схватка» в горло друг другу!»⁸. Поиски этого «секрета» привели Ухтомского в обитель точной науки.

Ученый-физиолог обладал универсальным знанием. В его дневниках можно встретить списки книг, которые он выбирал для «ближайшего штудирования». Это,

А. А. Ухтомский в лаборатории с Н. Е. Введенским

например, Кант «Критика способности суждения», Лоренц «Элементы высшей математики», Менделеев «Основы химии», Ланге «История материализма», Спиноза «Этика», Еп. Феофан «Пути ко спасению» и др. Круг чтения свидетельствует о направлении работы его мысли. В наследии Ухтомского можно выделить несколько сюжетных линий. Во-первых, это собственно научные исследования; во-вторых, это философские размышления о нравственности; в-третьих, это религиозная деятельность. При всей кажущейся разобщенности все эти сферы приложения творческих усилий Ухтомского связаны одной-единственной теорией — теорией доминанты.

Принципиальное убеждение Ухтомского заключалось в том, что физиологию следует положить в основу изучения «законов жизни» в целом и изучения формирования индивидуального мировоззрения в частности. Явление доминанты, обозначающее на элементарном физиологическом уровне «господствующий очаг возбуждения» нервных центров, в глобальном смысле есть некий стержень, руководящий принцип. Доминанта способствует тому, что все наши многочисленные ощущения складываются в определенное представление — «интегральный образ»: мы обретаем собственное понимание какого-либо явления, события ре-

альности; все наше знание о мире есть совокупность интегральных образов. Стало быть, *как* мы смотрим на мир, *что* мы в нем видим, таковым он нам и открывается: доброму — все кажется добрым, злому — злым. Как писал Ухтомский, «мировоззрение... всегда *стоит* своего носителя, точно так же как картина запечатлевает лишь то, что и как умел видеть художник»⁹.

Однажды возникшая, доминанта сохраняется на протяжении всей жизни. Следовательно, человек воспринимает окружающую действительность сквозь призму своих доминант, иначе говоря, с точки зрения своих потребностей и желаний. Трудность заключается в том, что люди представляют собой социальное единство, общество и в силу этого каждый обязан учитывать стремления другого. В процессе стихийного развития в природе человека рождается конфликт между личным и общественным, индивидуальным и коллективным, эгоизмом и альтруизмом — конфликт, который он должен разрешить, по мнению Ухтомского, в пользу второго. Однако здесь уже необходимо приложение волевых усилий. Требуется «нарочитая установка» на переделку себя и своего поведения. Ухтомский был глубоко убежден, что «естество наше делаемо есть». «Мы — не наблюдатели, а участники бытия, — заключал он. — Наше поведение — труд»¹⁰.

Философское кредо Ухтомского по этому вопросу кратко можно изложить следующим образом: одна из самых трудных, недостижимых в чистом виде и вместе с тем необходимых доминант, которые нам придется воспитать в себе, — это *доминанта на другое лицо*. Эта главная доминанта «заключается в том, чтобы уметь подходить к встречным людям по возможности без абстракций, по возможности уметь слышать каждого человека, взять его во всей его конкретности независимо от теорий, предубеждений и предвзятостей. Нужно стать однажды на этот путь, поставить его решительно своей задачей... переключиться на эту определенную доминанту, а затем неуклонно воспитывать ее в себе, чтобы это пошло хоть в отдаленном будущем сравнительно гладко и легко; это совершенно необходимая грядущая задача человечества, в этом нельзя сомневаться... уметь не задерживаться на своей абстракции и во всякое время быть готовым предпочесть ей живую реальность, уметь конкретно подойти к каждому отдельному человеку, уметь войти в его скорлупу, зажить его жизнью, понять его точки отправления, которые его отделяют, понять его доминанты, стать на его точку зрения — вот задача. Я думаю, что настоящее счастье человечества... будет возможно в самом деле только после того, как будущий человек сможет воспитывать в себе эту способность переключения в жизнь другого человека, способность понимания ближайшего встречного человека как конкретного, ничем не заменимого в природе, самобытного существа, одним словом, когда воспитывается в каждом из нас доминанта на лицо другого. Скажут, что пока это мечта. Ну, пускай мечта будет все-таки поставлена. Человек очень сильное существо: если он начинает серьезно мечтать, то это значит, что рано или поздно мечта сбудется. Только там, где ставится доминанта на лицо другого как на самое дорогое для человека, впервые преодолевается проклятие индивидуалистического отношения к жизни, индивидуалистического миропонимания, индивидуалистической науки. Ибо ведь только в меру, насколько каждый из нас преодолевает самого себя и свой индивидуализм, самоупор на себя, ему откры-

вается лицо другого. И с этого момента, как открывается лицо другого, сам человек впервые заслуживает, чтобы о нем заговорили как о лице»¹¹. На самом деле только тогда, когда высшей ценностью для каждого человека становится другой человек, общество можно назвать гуманным и высокоразвитым.

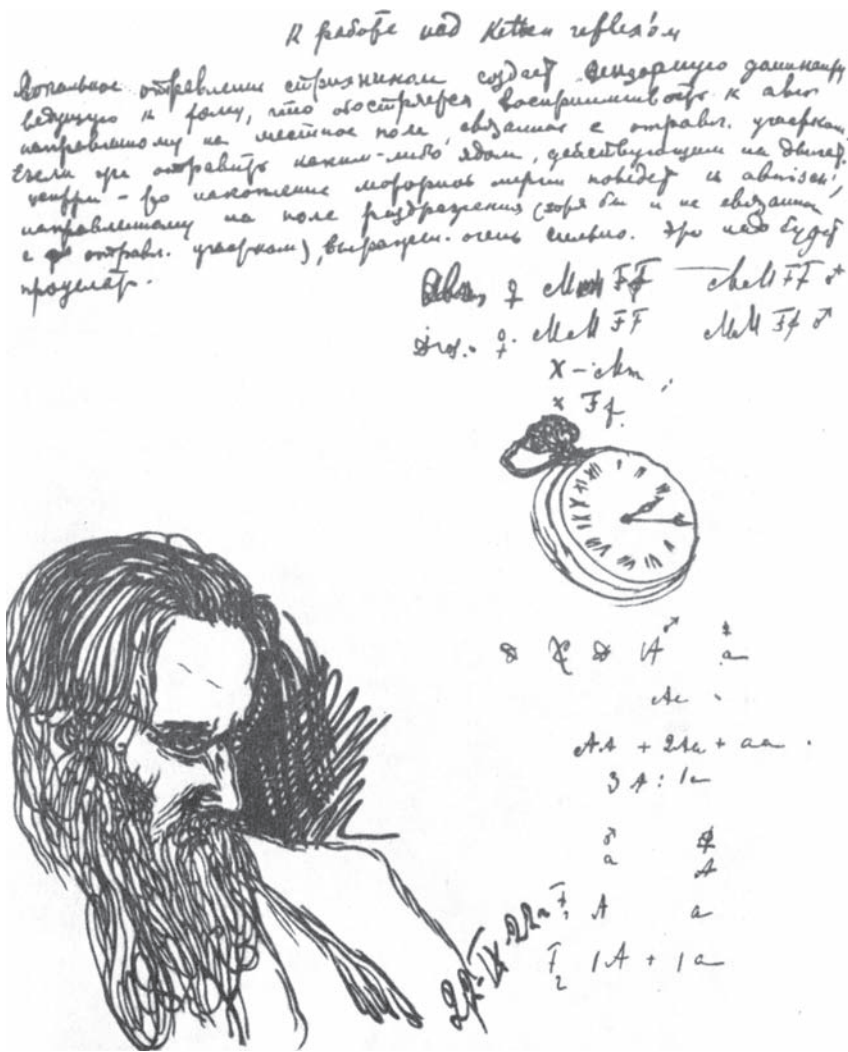
Значительную часть наследия Ухтомского составляют письма к ученикам и близким по духу людям. Именно они проясняют нам его философские и религиозно-богословские взгляды, а также глубинный смысл его научных исследований. Ученый признавался, что, «пища письмо», он сам впервые улавливал мысль, где-то бродящую у него в душе, и впервые самому себе раскрывал некоторые стороны своей внутренней жизни.

Ухтомский вспоминал, что в юношеские годы имел глубокое пристрастие к творчеству Ф. М. Достоевского. Поэтому неудивительно, что именно среди героев этого мастера психологического романа ученый нашел образы — своеобразные художественные иллюстрации своей научной теории. Например, в результате прочтения «Двойника» родились центральные этико-философские понятия теории Ухтомского: «*двойник*» и «*заслуженный собеседник*».

Размышляя над содержанием «повести о господине Голядкине», в письме к своему верному другу В. А. Платоновой, датированно 1918 годом, он писал: «Знаете ли, что, может быть, труднее всего для человека освободиться от Двойника, от автоматической склонности видеть в каждом встречном самого себя, свои пороки, свои недостатки, свое тайное уродство; но труднее — освободиться от постоянного *сопровождения* своим Двойником! И только с этого момента, как преодолен будет Двойник, открывается свободный путь к собеседнику! Впервые раскрывается тогда и ум, и сердце, и слово, чтобы в самом деле слышать, чем живет сам по себе встречный человек...»¹². Через 13 лет Ухтомский более подробно обсуждает «Двойника» в переписке со своей ученицей Ф. Г. Гинзбург: «В конце концов это философско-психиатрический трактат о солипсизме и самоутверждении как основных чертах типического представителя евро-

пейской культуры»¹³. ...Достоевский, кажется, нарочно изображает в качестве носителя грандиозной проблемы самоутверждения маленького, ничтожного чиновника. Автор хочет подчеркнуть, что дело тут не в каких-нибудь «грандиозных» натуральных задатках человека, которые доводят его до «наполеонизма», до лермонтовского «демонизма», до «великолепного зверя» Ницше. Достоевский хочет подчеркнуть, что самый ничтожный по натуральным задаткам европейский человек несет в себе зародыш «мания грандиоза», поскольку он захвачен «эпидемией самоутверждения» с роковой неспособностью видеть равноценное с собою бытие в мире и в своем соседе... отсюда именно приоткрылся мне закон заслуженного собеседника, как один из самых постоянных и самых неизбежных сопроводителей человека на всех путях его»¹⁴. Закон «заслуженного собеседника» наполнен тем же идейным содержанием, что и христианский закон возмездия: каждому воздается по заслугам его. То, как человек спроектировал свое бытие, интерполируя представлениями «от себя» то, что удалось «рассмотреть» его сознание, тем он и живет. Но именно тогда осуществляется суд над человеком как нравственным, обладающим «высшим сознанием» существом: судьба такова, какую человек «заслужил». Закон возмездия есть «основной *естественный* закон нравственно-общезытельного порядка» — к такому выводу приходит ученый-физиолог.

Первой и последней задачей для Ухтомского, по его собственному утверждению, было понять, как складывается мировосприятие старца Зосимы («Братья Карамазовы»). «Этот очень трудный, постоянно напряженный склад восприятия, — писал Ухтомский, — воспитывается и удерживается с большим трудом, с постоянной самодисциплиной и осторожным охранением совести. Но он необыкновенно ценен общественно, люди льнут к человеку, у которого он есть, видимому, потому, что воспитанный в этом восприятии человек оказывается необыкновенно чутким, отзывчивым к жизни других лиц, легко перестраивается на мироощущение и горести встречных лиц. Такой человек, обыкновенно, наи-

Страницы рукописи с наброском автопортрета

менее замкнут в самого себя, у него наименьший упор на самого себя и свою непогрешимость. Он привык постоянно и глубоко критиковать себя. Оттого он смирен внутри самого себя и не критикует людей, пока они не просят его помочь в их беде! Если он критикует других, то как врач, стараясь рассудить болезнь несчастливца пришедшего...»¹⁵.

Таким образом, доминанта есть тот внутренний личностный стержень, который связывает воедино в человеке естество (то, что дано природой), ум (то, что воспитывается) и душу (то, что связано с абсолютным). Именно эта связь, по мнению Ухтомского, должна обеспечить всеобщую жизненную гармонию. Свою теорию известный физиолог пытался реализовать в действительности и подтвердить собственным примером.

По высказываниям самого ученого, он был монахом в миру, что

делало его странным или чудаковатым для окружающих. Но он никогда не поддавался внешним обстоятельствам, а всегда следовал своему внутреннему голосу. В своем дневнике он писал: «Моя философия, моя "метафизика" в том, что, когда я себя вижу в зеркале, то знаю, что весь мой облик, нос, глаза, лоб, весь я — Божий, принадлежу Богу... А маленькие и большие подтверждения, что я принадлежу именно и непосредственно Богу, налагают на меня непосредственную (не холодно-формальную) обязанность продолжать эту жизнь, раз в ней говорит Господь. Господь. Говори! Я буду слушать, потому что ты воодушевляешь меня»¹⁶.

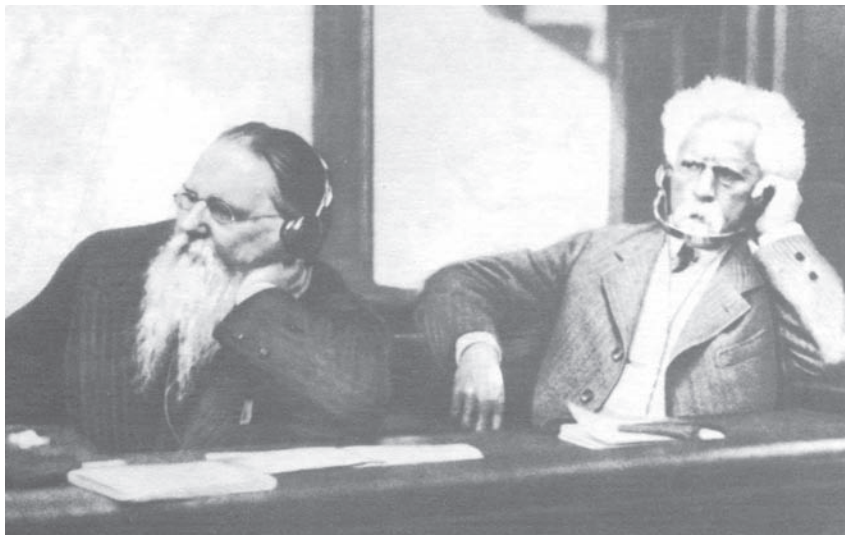
А. А. Ухтомский на протяжении всей жизни оставался старообрядцем, принадлежал к течению «единоверия». Он систематически посещал службы и часто участвовал в

церковных песнопениях. Даже у себя дома, на 16-й линии Васильевского острова (д. № 29), в одной из двух комнат он устроил молельню с иконостасом и аналоем.

Старообрядчество отличалось тем, что строго регламентировало жизненный уклад: быт, внешний вид, манеру поведения и т.п. И, привыкший к дисциплине духа, Алексей Алексеевич, как свидетельствуют некоторые источники, имел обыкновение вставать в 5–6 часов утра, создавая себе настроение пением псалмов; до 9–10 он, как правило, читал научную литературу, затем пил чай и возвращался к работе (писал или отправлялся в Университет); в 4 часа дня обедал, с 5 до 8 часов вечера спал или опять посещал Университет, а потом допоздна снова писал или принимал гостей.

Будучи последовательным в своем религиозном чувстве, он «бежал от обстановки и комфорта», сторонясь всяческих мирских благ. Например, известно, что Ухтомскому как академику был предоставлен легковой автомобиль с личным водителем, однако тот предпочитал пешие прогулки. Как следствие, приказ № 420 по Ленинградскому университету от 15 сентября 1935 года констатирует факт передачи академиком А. А. Ухтомским этого автомобиля в распоряжение Университета. В приказе по Университету говорилось: «...машина № 1-39 ставится на рейс по обслуживанию профессорского состава ЛГУ и ни на какие потребности административного и хозяйственного порядка употребляться не должна»¹⁷.

По воспоминаниям студентов, Ухтомский носил необычную для универсантов одежду наподобие толстовки, суконную рубаху, подпоясанную ремешком; зимой надевал высокие сапоги и мужицкий тулуп. Его отличали рослая фигура и окладистая борода. Несмотря на внешнюю суровость и аскетичность, Ухтомский искренне заботился о своих студентах и коллегах и безвозмездно оказывал им помощь, кому словом, а кому и конкретным делом. Вот, например, благодарственное письмо некой Марии Т. от 3 февраля 1941 года: «Многоуважаемый Алексей Алексеевич! Я уплатила в Институт сто рублей за обучение. Слов, чтобы выразить мою благодарность Вам,

На XV Международном конгрессе физиологов в Москве. 1935 г.

у меня не находится; так она велика. Вы являетесь истинным проводником Добра в жизни людей, стремящихся к науке. Всякие пожелания вам всего лучшего; пожелание вам всех благ — все это кажется мне слишком банальным и мелким. Я лучше скажу: “Пусть благо будет с Вами во все дни Вашей жизни...”¹⁸.

В жизни А. А. Ухтомский искал прежде всего «человеческого общения», «единого общего дела». Он был бесконечно счастлив, когда ему удавалось достичь духовного сближения со своими студентами, поскольку именно об их душах он беспокоился более всего, дабы они не зачерствели и не замкнулись в своем индивидуализме, а сохранили ту «доминанту юности», которая позволяет остаться «сердцу и слуху» открытыми для конкретной жизни и конкретных людей «как они есть». В одном из отчетов о деятельности Петергофской лаборатории Ухтомский писал: «Весною 1922 г. в лабораторию впервые влилась группа молодых работников из студентов университета. Да будет позволено вспомнить теплым словом эту милую, воодушевленную группу молодежи, внесшую так много оживления и энтузиазма в жизнь Александрии... Студенты жили на горе, в верхнем общежитии, что за Учебным домиком, а на работу приходили вниз в нижний жилой домик. С особенной любовью вспоминается это дружное время первых трех лет существования лаборатории. Люди спелись и жили в самом деле общею жиз-

нью... И старики, и молодежь из студентов чувствовали себя на равных началах участниками дружного общежития. И это было не формальное, а подлинно моральное равенство удавшегося маленького общежития, которое для его участников останется памятным навсегда. Мы, тогдашние жители Александрии, вспоминаем и теперь при встречах то время как необыкновенную “удачу”, какими люди не избалованы»¹⁹.

С таким же ностальгическим чувством Ухтомский на закате своей жизни вспоминал и воодушевленную работу в лаборатории со своими коллегами в первые годы XX века. Они работали и днем, и ночью, сменяя друг друга, скрупу-

лезно записывая полученные данные; ошибались, исправляли, проверяли; критиковали, поддерживали друг друга, вдохновляли. Их объединял исследовательский дух, их объединяла идея. Это была та плеяда ученых-естественников, которая отдавала все силы, каждый в своей области, изучению маленького кусочка жизни с той уверенностью, что изучить до конца механизм жизни этого кусочка, значит найти пути для проникновения в наиболее сложные загадки человеческого бытия. Русские ученые всегда ориентировались на какие-то высшие нравственные задачи и не могли принять науку как простое накопление новых знаний об окружающей действительности. Это была та петербургская интеллигенция, которую объединяла не только форма деятельности (умственный труд), но и сознание ответственности за общество, за духовное воспитание нации, нравственность.

Последние несколько лет Ухтомский провел в «скорбной печали», в «болении сердца» за свою родину. Все, что он доказывал всем своим существованием на протяжении жизни, все, к чему он стремился и чего достиг, созидал единство в общем деле, безжалостно попиравшись теми, кто вершил историю России в первой половине XX века. Однако он только утверждался в правильности своих теоретических выводов. Все страшное и безобразное, что происходит, писал Ухтомский, «достойно и пра-

А. А. Ухтомский со студентами

А. А. Ухтомский дома, занимаясь иконописью

ведно есть», поскольку является карой Божией за европейское «окультуривание», за стремление более к спокойному комфорту, чем к единению в общем деле.

Ухтомский никак не мог принять происходящего. В одном из своих дневников он писал, что ощущает себя переходной формой, «мертвым, хоронящим своих мертвецов», он уже не принадлежал прошлому и не мог войти в будущее, влиться в течение современной жизни. Доро-

гого его сердцу «человеческого общения» уже не получалось. Силы он черпал в мысленных путешествиях по родным волжским местам, в молитве и писании икон.

В 30-х годах в университетских стенах поселился дух доносительства. Студенты стали сторониться чудаковатого профессора, размышлявшего о вере и о свободе. Ухтомскому пришлось осторожничать, «оградить себя молчанием»²⁰. В письмах к своему неизменному

другу, Варваре Александровне Платоновой, проскальзывала плохо скрываемая тревога: «Жить-то приходится все труднее и труднее, дорога становится все уже и уже»²¹. Требовалась бдительная дисциплина «внутреннего человека», чтобы в той полосе истории сохранить «открытый слух» и «способность дальнего видения».

«Сердце, интуиция и совесть — самое дальнорукое, что есть у нас, — эти слова Ухтомского, обращенные к ученице Е. Бронштейн-Шур, звучат рефреном во всем его творчестве, и далее: — Это уже не наш личный опыт, но опыт поколений, донесенный до нас, во-первых, соматической наследственностью от наших предков и, во-вторых, преданием слова и быта, передававшимся из веков в века как копящийся опыт жизни, искусства и совести народа и общества, в котором мы родились, живем и умрем... ведь каждый из нас только всплеск волны в великом океане, несущем воды из великого прошлого в великое будущее!»²².

Скончался А. А. Ухтомский 31 августа 1942 года в блокадном Ленинграде. До конца своих дней, несмотря на тяжелую болезнь, он оказывал помощь людям, стремясь облегчить их страдания.

¹ Ухтомский А. А. Интуиция совести. СПб., 1996. С. 60.

² Цит. по: Ухтомский А. А. Дневник 1896–1897 гг. // Филиал Архива РАН. Ф. 749. Оп. 1 № 147/5. Л. 81.

³ Космологическое доказательство Бытия Божия // Ухтомский А. Заслуженный собеседник. Рыбинск, 1997. С. 283.

⁴ Александр Алексеевич Ухтомский (1872–1944) — старший брат А. А. Ухтомского — окончил Московскую духовную академию. В Казанском духовном училище пострижен в монахи и рукоположен в иеромонахи, в 1907 г. становится vicарием Казанской епархии; в 1911 г. — епископ Сухумский; в 1913 году — епископ Уфимский. Был основателем и редактором журнала «Заволжский летописец». В 1921 г. в связи с осложнением религиозной ситуации в стране был заключен под стражу в Бутырской тюрьме в Москве. Дальнейшая судьба епископа неясна и обстоятельства смерти достоверно неизвестны.

⁵ Цит. по: Ухтомский А. Интуиция совести. С. 5.

⁶ Сеченов, Павлов, Введенский, Ухтомский стояли у истоков зарождения русской физиологической школы. Она зиждилась на убеждении, что организм не является замкнутой в себе живой системой, но находится в органической связи с окружающей действительностью. Это мнение противостояло еще господствующему утверждению, что душа есть нечто самостоятельное и свободное, в отличие от тела, и «препарирование» души (выявление психических способностей человека) есть дело богопротивное.

⁷ В 1923 г. в VI т. Русского физиологического журнала вышла в свет работа А. А. Ухтомского «Доминанта как рабочий принцип» — развернутое изложение учения о доминанте.

⁸ Ухтомский А. А. Интуиция совести. С. 429–430.

⁹ Ухтомский А. А. Избранные труды. Л., 1978. С. 48.

¹⁰ Там же.

¹¹ Там же. С. 89.

¹² Цит. по: Меркулов В. Л. О влиянии Ф. М. Достоевского на творческие искания А. А. Ухтомского // Вопр. философии. № 11. 1971. С. 116.

¹³ Ухтомский неприязненно относился к европейской культуре, характеризуя таким образом и современную ему российскую культуру. Он считал ее рассадником индивидуализма и господства утилитаризма, а это противоречило его представлениям об истинных ценностях общества. В одном из дневников своих он записал: «В известном отношении вся наша «культура» — новый идол европейского человечества, — есть изуродование мира в мысли и в деле ради самоутверждения самодовольного человека городского уклада!»

Премудрости и разум наполняет мира близнец. Смуты и [бестолочи], убийства и ненависти наполняет мира, сначала в своей мысли, а потом и в действии, европейский интеллигент!»

¹⁴ Цит. по: Меркулов В. Л. Указ. соч. С. 116.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Ухтомский А. Заслуженный собеседник. Рыбинск, 1997. С. 85.

¹⁷ Архив СПбГУ. Инв. № 117/150.

¹⁸ Там же. Инв. № 117/62

¹⁹ Цит. по: Ухтомский А. Интуиция совести. С. 511.

²⁰ Все-таки, несмотря на осторожность, Ухтомскому не удалось избежать столкновения с новыми властями. Он был арестован впервые 17 ноября 1920 г. в связи с деятельностью своего брата — епископа Андрея и освобожден благодаря личному вмешательству Ф. Э. Дзержинского 29 января 1921 г. Вторично Ухтомского арестовали в Петрограде в связи с делом об изъятии церковных ценностей в Никольской единоверческой церкви в 1923 г.

²¹ Цит. по: Ухтомский А. Заслуженный собеседник. С. 531.

²² Там же. С. 524.